

И узришь славную щедрот награду там.
 В наставший новый год тебя я поздравляю
 И прошлогоднего обета ожидаю,
 Который исполнять за долг души вменя
 И дешево труды пиита оценя,
 Вознаграждение соделав оным ново,
 Исполни чрез сие тобою данно слово,
 Которого уже не малы дни я жду,
 Имев с моим трудом недостаток твой в виду,
 Понеже старику больному очень больно,
 Когда довольные дать не хотят довольно:
 А от других не так достаточных людей,
 Я с удовольствием в дар беру и сто рублей,
 И меньшей дар цены с приятностью приемлю;
 От многих же совсем и ничего не возьмю;
 Мне бог невидимо прецедрый воздаст
 И с лишком пятьдесят меня питает лет.
 Щедрот его к себе я вечно не забуду
 И прославлять его в похвальных песнях буду.
 Доколе же дышу, и тех благодарить,
 Кто будет волей мне его благодворить;
 И не имев своих ни деревень, ни дому,
 Я промыслу его себя вручу святому;
 Зрю щедраши меня вседневно небеса,
 И благостей его меня поит роса.
 На милосердие его я уповаю
 И дней моих конца спокойно ожидаю;
 Бог мне прибежище, защита, и оплот.
 Вот мысль тебе моя, Д[емидов], в новый год.

Рубан характеризует положение литературного наемника, с горечью отмечая несправедливость в оценке умственного труда. Однако, все это в тоне лакейской резиньяции. Существующее положение вещей очевидно несправедливо, но для резиньяции достаточно и того, что оно существует:

Но и за сей тебя я дар благодарю
 И не сатиру, но послание творю...

Замечательно, однако, что именно плебейская «гнусная ода» вместила некие, хотя бы уродливые, зачатки социального протеста, невозможного в поэзии высоких славословий: